

В знаменательный для нашего народа год 75-летия Великой Победы отмечаются и личные юбилеи Александра Твардовского, Ореста Верейского и Василия Глотова — участников истории, связанной с созданием самой известной, поистине народной книги про бойца

текст **Надежда Гончарова**

110 лет назад, 21 июня 1910 года, на Смоленщине появился на свет автор «Василия Тёркина» Александр Твардовский, 25 июля того же года на Алтае — Василий Глов, ставший лицом всеми любимого героя. А пять лет спустя, 7 августа 1915 года, на той же Смоленщине родился художник Орест Верейский, которому было суждено сделать лицо Тёркина узнаваемым.

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Военный корреспондент Александр Твардовский еще в декабре 1939 года познакомил читателей газеты «На страже Родины» с удачливым, смекалистым бойцом Васей Тёркиным, участвовавшим в финской кампании. Стихи о нем появлялись в разделе «Прямой наводкой». Любимого героя, неизменно побеждающего врагов, участники сражений ждали с нетерпением. Для солдат он был своим парнем, «обыкновенным»: «Тёркин — кто же он такой? / Скажем откровенно: / Просто парень сам собой / Он обыкновенный. / Впрочем, парень хоть куда. / Парень в этом роде / В каждой роте есть всегда, / Да и в каждом взводе».

В июне 1942 года Твардовский возвратил любимого бойца в строй. Только герой теперь не Вася Тёркин, а Василий Тёркин. «Война всерьез, и поэзия должна быть всерьез», — написал поэт в своем дневнике. «Книга про бойца» «...без начала, без конца» — на войне, где каждая минута может оказаться последней, «...кто доскажет, кто дослышит — угадать вперед нельзя...» Так и прошагал повзрослевший Василий Тёркин всю войну. Каждая новая глава поэмы, прочитанная в окопах и на привале, запоминалась, заучивалась наизусть. Многие фразы из нее стали крылатыми: «Нет, ребята, я не гордый, я согласен на медаль!» или «Города сдают солдаты, генералы их берут».

Уже после войны, беседуя с ветеранами, тут и там слышала слова из «Тёркина». Например, спрашиваю, за что орден получен, а в ответ, мол, сам не понял — вроде ничего героического. А было вот что: во время знаменитой переправы через Днепр конный взвод оказался в воде, и тогда мой собеседник, с детства работавший с этими животными, прыгнул в реку, лошади поплыли за ним к берегу. «Но ведь осень была, вода ледяная, вы заболели?» — «Нет, на берегу отогрели, спиртом растерли, да и внутрь глоток. Помните, как Тёркина? Был как новенький!» И на просьбу рассказать о той переправе ответил строками из «Василия Тёркина», мол, точнее и лучше не скажешь:

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода, —
Ни приметы, ни следа...

Иван Бунин был поражен «Тёркиным». Он писал: «Это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный язык — ни сучка ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова».

ВОТ ОН — ВАСИЛИЙ!

Александр Твардовский всегда подчеркивал, что герой его поэмы — образ собирательный. Однако на Смоленщине и в Башкирии, других регионах страны считают, что это их конкретные земляки послужили прототипами Василия Тёркина, им даже установлены

*Орест Верейский. Василий Тёркин.
Иллюстрация к книге Александра Твардовского*

Мне хотелось открыть книгу фронтисписом с портретом Василия Тёркина. И это оказалось самым трудным. Каков он, Тёркин, собой? Многие солдаты, портреты которых я набрасывал с натуры, казались мне чем-то похожими на Тёркина — кто улыбкой, кто прищуром веселых глаз, кто всем милым, усеянным веснушками лицом. Но ни один из них не был Тёркиным.

Я оказался в роли Агафьи Тихоновны из гоголевской «Женитьбы»: «...Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...» Разумеется, каждый раз я делился результатами своих поисков с Александром Трифоновичем. И каждый раз слышал в ответ: "Нет, это не он". Да я и сам знал — не он».

И вот тут в нашей истории появляется молодой армейский поэт Василий Готов, приехавший в редакцию к Твардовскому показать свои стихи. Обаятельный сибиряк сразу всех заинтересовал.

*Орест Верейский, Василий Готов, Александр Твардовский.
Фото из сети Интернет*

памятники. Но, пожалуй, самое большое и неоспоримое родство с удалим солдатом у уроженца Алтайского края Василия Глотова. Именно его портрет украшает книги с поэмой и большинство газетных публикаций о Тёркине.

Народный художник СССР Орест Верейский в годы Великой Отечественной войны работал в редакции газеты «Красноармейская правда». Здесь и встретился и подружился с Александром Трифоновичем. Обратимся к воспоминаниям Ореста Георгиевича: «Более серьезно надо было думать об иллюстрациях, когда речь зашла об издании первых глав поэмы отдельной книгой, а эта счастливая возможность возникла уже в 1943 году.

«У него была добрая улыбка, веселый нрав, — вспоминает художник. — И еще мы знали, что не ведавшему снисхождения Твардовскому понравились некоторые, еще незрелые стихи молодого поэта. Прошло несколько дней, и вдруг я с пронзившим меня радостным чувством узнал Василия Тёркина в Василии Глотове. Я бросился к Александру Трифоновичу со своим открытием. Он сначала удивленно вскинул брови, потом попросил меня для начала нарисовать Глотова и показать ему. Я не был обескуражен его реакцией. Наоборот, она меня обрадовала. Александр Трифонович был далек от проблем и интересов изобразительного искусства, но он понимал, что сама жизнь и ее художественное изображение не одно и то же».

Думается, в тот момент наш земляк и не подозревал, что эти неожиданные фронтовые зарисовки сделают его весьма известной личностью.

«Идея "попробоваться" на образ Тёркина показала Глотову забавной, — пишет Верецкий. — Когда я рисовал его, он хитро прищурился, расплывался в улыбке, что делало его еще больше похожим на Тёркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его анфас, в профиль в три четверти, с опущенной головой. Показал рисунки Твардовскому. Александр Трифонович сказал: «Да».

И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Тёркина другим. В дальнейших публикациях, в зависимости от характера издания и способа печати, я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушить сходства».

Художник признается, что портрет не оставался неизменным. И это был при всем сходстве вовсе не Глотов, а именно Тёркин: «Естественно, мои наброски с Глотова не были протокольным, точным повторением его черт, да и вряд ли буквальное копирование чьего-либо лица может привести к созданию облика литературного героя. Все мои прежние поиски теркинских примет в других лицах, конечно, не пропали даром. Я аккумуляировал их, рисуя того Тёркина, основой которого стал Глотов. Но все же Глотов надолго стал Тёркиным — товарищи по армейской газете не называли его иначе».

Орест Верецкий находился в гуще фронтовых переделок. И это, как и Твардовскому, позволило ему избежать фальши в творчестве.

«То, что я был свидетелем событий, которые либо вошли в главы «Тёркина», либо стали фоном для них или толчком для их возникновения, то, что я видел и мог с натуры рисовать места, где происходили описанные в них события, помогло мне в работе над иллюстрациями к «Василию Тёркину» и «Дому у дороги», — отмечал сам Орест Георгиевич. — Помогло не буквально пересказать содержание, а идти как бы параллельно со стихами, со своим изобразительным рассказом. Вместе с тем я мог сохранить в рисунках конкретность и времени, и места действия. И разрушенный, сожженный Смоленск, и мощенные бревнами болота Белоруссии, и равнины Восточной Пруссии с дальними готическими шпилями, и тот прусский городок, где писалась глава «В бане», даже тот стул из графского дома — все это виденное, коженое и рисованное».

БЛИЗКИЙ РОДСТВЕННИК

Кто же он — Василий Иванович Глотов? В справочных изданиях узнаем: русский советский поэт, прозаик и переводчик. Участник Великой Отечественной войны. Прошел путь от рядового солдата до подполковника запаса. Работал в армейской газете, был спецкором

Орест Верецкий. **Попутная машина.**

Иллюстрация к книге Александра Твардовского «Василий Тёркин»

фронтовой газеты, дебютировал как поэт. Автор 35 книг стихов и прозы.

Однополчане звали Глотова «Тёркин». Сам он относился к этому с иронией. Твардовский и Василий Глотов были в дружеских отношениях. Александр Трифонович стал наставником для нашего земляка, поддерживал, помог начинающему поэту напечатать стихи в «Красноармейской правде». Журналист Юрий Кириллов, с которым Глотов дружил и после войны жил по соседству во Львове, собрал и опубликовал в газете «Трибуна» ценные воспоминания Василия Ивановича о Твардовском, со множеством интересных деталей, в том числе и о том, как рождались строки любимой поэмы. На титульном листе подаренного нашему земляку первого издания «Василия Тёркина» Александр Трифонович написал: «Василию Глотову, близкому родственнику В. Тёркина, моему дорогому поэту и товарищу по войне».

Глотов вспоминал, что Твардовский часто приезжал в их армию, и по долгу службы ему приходилось сопровождать поэта туда, где можно было добыть интересный материал. «Не раз спали под одной шинелью, мылись в уцелевших деревенских банях и пропустили не по одной фронтовой чарке». Александр Трифонович читал стихи, а Глотов брал в руки гармошку и исполнял свой деревенский репертуар — частушки. Любил Твардовский смотреть, как его новый знакомый косил траву, что-то мастерил, колол дрова.

Его узнавали спустя десятилетия. Василий Иванович вспоминал: «Произошел со мной и удивительно курьезный случай. Вскоре после смерти Твардовского в 1971 году я приехал в Москву и хотел пройти на Новодевичье кладбище, где похоронен Саша. Милиционер у входа остановил меня: "Сегодня нельзя". И вдруг оказавшийся рядом пожилой мужчина, глянув на меня, почти крикнул милиционеру: "Да это же Василий Тёркин!" Тот посмотрел внимательнее и взял под козырек: "Простите, сразу не узнал. Проходите, пожалуйста"».

Василий Тёркин был смелым и удалым. И его алтайский тезка тоже не почивал на лаврах «фронтовой звезды», о его смелости говорят факты, сохранившиеся в наградных листах к медали «За боевые заслуги», ордену Красной звезды и другим: «Во время похода нашей армии в октябре прошлого года, Глотов вместе с полковником Самсоновым организовал перетаскивание трактором через реку машин разных отделов. Под

пулеметным обстрелом самолетов противника было перетасено до тридцати автомашин»; «За период Отечественной войны написал десятки боевых стихотворений, песен и корреспонденций, посвященных отдельным подразделениям, бойцам и командирам, героически сражающимся за Родину».

«ГДЕ РОДИМЫЙ СЕЛЬСОВЕТ?»

«Мой путь лежал от батрака до подполковника запаса», — писал Василий Гловтов в одном из своих стихотворений. Впервые о том, что всеми любимый Тёркин родом из Алтайского края землякам в 2004 году сообщил собкор «Алтайской правды» Иван Микуров. Теперь этим фактом, кажется, никого уже не удивишь. Хотя на просторах Интернета можно встретить информацию о том, что прототип бойца — житель города Львова. И в этом есть толика правды — Василий Иванович поселился там после войны. Он очень полюбил те места, где проходил когда-то с боями, сроднился с украинской землей и людьми.

И все же родом он из старинного сибирского села Прыганка, которому без малого уже три века. Наткнулась в том же Интернете на поэтичное описание села его старейшим жителем И.Ф. Бояркиным: «Божьим светом озарено наше село, богато оно и землицей плодородной, и зеркальными озерами в лесу, в коих так много рыбы, хоть картузом лови. Богато и дивным зверьем, это волки, рыси, колонки, барсуки и красавцы лоси, козы. А сколько разнообразных ягод в лесу! А сколько грибов! И какой чудесный у нас сосновый бор! Стоит только войти в него, как сразу же почувствуешь запах смолы, аромат дурмящих трав, цветов. Ранней весной расцветают синие, белые подснежники, голубые незабудки, кукушкины слезки...»

Вот в таком раздолье и родился наш Тёркин.

И где-то там село Прыганка,
И где-то там, в конце села,
Простая русская крестьянка
Меня под осень родила, —

Орест Верейский. Гармонь.
Иллюстрация к книге Александра Твардовского «Василий Тёркин»

писал Гловтов в своих стихах. Малой родине он посвятил немало стихотворений.

А это уже из его автобиографии: «Первый класс я закончил в Прыганке. В первые годы Советской власти все Гловтовы вступили в коммуну «Лев» и выехали в лога за двадцать, а может, за тридцать километров от Прыганки. После там образовывается поселок Лев, а еще позднее жители его разъехались по разным колхозам Алтайского края. Из этого поселка я ушел учиться в город Камень в ФЗУ, а потом — в Красную армию, где служил, продолжил учебу, прошел путь от рядового солдата до подполковника запаса». В письмах школьникам в родное село писал: «...если у вас есть книга А. Твардовского, обратите внимание на портрет Василия Тёркина. Орест Верейский рисовал этот портрет с меня во время боев под Москвой».

Раздел «Интересные факты» на сайте села Прыганка Крутихинского района сообщает: здесь родился прототип Василия Тёркина.

ПОЭТ-ЗЕМЛЯК

Если биография литературного Тёркина «без начала и конца», то жизнь его алтайского прототипа, благодаря интересу земляков, обретает вполне конкретные этапы.

Новосибирский журналист Владимир Семизаров (бывший односельчанином поэта) к 110-летию земляка опубликовал в Интернете большой материал «Красноармейский поэт Гловтов Василий Иванович». Автор собрал по крупицам всю информацию о Гловтове. Теперь мы знаем, что поэт рано остался сиротой, первые стихи опубликовал 16-летним юношей, мечтал быть похожим на героя Гражданской войны Петра Сухова, служил в погранвойсках, в довоенные годы печатался в журнале «Сибирские огни». В 1939 году после выпуска нескольких поэтических сборников Василий Гловтов был принят в члены Союза писателей СССР. Литературный институт имени Горького он окончил уже после войны.

Живя во Львове, поэт-фронтовик продолжал заниматься писательством, переводами; даже мучавшие последствия фронтовой контузии не могли остановить творческий процесс. В 1950 годы в числе других литераторов Василий Гловтов был направлен в Барнаул для оказания помощи местным братьям по перу в создании писательской организации. Не осталась в стороне от него и эпоха поднятия целинных и залежных земель, о чем рассказывает его написанная в 1955 году повесть «На Алтайской целине». А в 1956 году в Алтайском книжном издательстве вышел сборник стихов и прозы Василия Гловтова «В родном краю». Вот как об этом вспоминает Владимир Семизаров: «Мысленно возвращаюсь в 1956 год — время грандиозных преобразований, время освоения целинных и залежных земель. Тогда, осенью 1956 года, я по дороге на пленум РК ВЛКСМ, зашел в книжный магазин и раскрыл поданный мне продавцом небольшой поэтический сборник «В родном краю», изданный Алтайским книжным издательством. Начал читать первое стихотворение и меня наполнила теплая волна радости, восторга, восхищения. Тогда я впервые читал стихотворение о своей малой родине. Прошли года, но чувства мои не погасли, а однажды прочитанные четыре строчки остались в памяти моей на всю жизнь...»

Умер и похоронен Василий Гловтов во Львове в 1990 году. ■